

— ЛЮДИ ИСКУССТВА —

ЕГО УЧИТЕЛЯ

— М. БРИМАН —

В ЛЮБОЙ мужской компании — рыбаков ли, охотников или грибников — он будет последним, о котором сторонний наблюдатель скажет: «А это — артист!» Он с удовольствием слушает у костра чужие «байки», но сам не торопится вернуть свое слово. Зато руки его всегда заняты: то они копаются в лодочном моторе, своем или чужом, то разделявают рыбу или дичь, то чистят ружье. И все эти мужские занятия кажутся настолько присущими ему, настолько врожденными, что почти невозможно представить себе, какие разные, не похожие ни на этого мастерового человека, ни друг на друга живут в нем люди.

Назвать этих разных людей — значит перечислить едва ли не все образы, воплощенные на советской сцене за полвека опереточными комиками и простаками. Им, Александром Константиновичем Бобровым, артистом Кемеровского театра оперетты, эти образы были сыграны блистательно.

Те, кто знает его давно, утверждают, что он был совершенно неповторимый Яшка-артиллерист в «Свадьбе в Малиновке». Другие, кто видел его в этой оперетке попозже, восторгаются его Попандопуло. Говорят, что в этой роли он так показал себя, что забыть это просто нельзя. А кто-то непременно добавит, что он ничуть не хуже и в оперетке классической — какой Шатонефе в «Принцессе цирка», какой Фальк в «Летучей мыши», а уж Бони в «Сильве»!..

В Кемерове «Сильва» сейчас не идет. Я увидел Боброва в другой «фрачной» роли — Никоша из «Веселой вдовы». И в этой, много раз и разными артистами сыгранной роли Бобров нашел свою, не повторяющую никого красоту. Его герой патологически брезглив. Ему кажется, что он живет в предельно антисанитарной обстановке. Вот он и ходит, высоко поднимая ноги, словно выскывая местечко почище, чтобы не запачкаться. Это не только уморительно смешно, но и абсолютно в характере человека, завещавшего свою нетронутую ни вином, ни табачком печень науке.

А у Боброва никогда не было неоправданных характером приспособлений, — сказал о нем опытный режиссер Борис Александрович Рябкин, приглашенный в театр на постановку этого спектакля, но знающий Боброва добрых два десятка лет.

При каждой встрече удивляюсь: это какой-то самонастраивающийся камертон правды... «Актёр без аналогов», «Богом дано...» — отзываются о нем товарищи по сцене. Но сам Бобров верит, по его словам, «только в пот». То есть в труд, который сделал его артистом и позволяет оставаться им.

Его родители, скромные артисты хора, начавшие еще до революции и испытывавшие все прелести антрепризы, в полном согласии со своим временем (конец 20-х годов) считали, что будущее принадлежит только рабочему классу. Послушный их воле, Саша поступил в ФЗУ, закончил его и в 17 лет был уже слесарем 5-го разряда на Пензенском велосипедном заводе. Он даже материально помогал родителям из своего скромного заработка. Через год он решил, что рабочим можно быть и при театре, по-

ближе к сцене и к родителям...

Должно быть, и в те времена с кордебалетом в оперетте было напряженно, потому что в один прекрасный день, присмотревшись к веселому и доброму пареньку-рабочему, балетмейстер Михаил Гердт обратился к нему с предложением:

— В «Баядере» в «Восточном танце» понадобится четвертый. Может, попробуем, Саша?

Сколько терпения, сколько сил потребовалось и учителю, и ученику, чтобы разучить тот несложный танец! Но чем дальше шли тайные от родителей репетиции, тем спокойней становился балетмейстер. У парня, кроме явных достоинств — молодости, обаяния, открытого легкого нрава, — были еще достоинства, обнаруживающиеся не сразу, — трудолюбие человека, уже познавшего, что руки, вчера еще непослушные, научаются в конце концов держать напильник и рубанок, если не жалеть их.

Так в 1933 году в Оренбурге состоялся дебют артиста Александра Боброва. Впрочем, еще полгода он оставался рабочим, пока вновь не добился права участвовать в новом танце, на этот раз в «Цыганском бароне». Однако должно было пройти еще два года, заполненных то стоянием с алебардой, то выходом с подносом, то «подтанцовыванием» за больных и не явившихся на спектакль и даже пением в хоре, прежде чем он получил свой первый сольный номер — эксцентрический негр-танец. Вот тогда молодой артист впервые вкусил сладость большого успеха.

Танец, в частности пластика, в целом и сегодня для Боброва тот фундамент, на котором он строит любую свою роль. Его последняя ра-

бота — граф Кутайсов в «Холопке» поражает в первую очередь своими пластическими решениями. Рассказывает ли граф-парикмахер о парском плевке в лицо, как знаке особой любви к нему, гневается ли он на непокорную «актерку», замышляет ли коварный план по отношению к ней, торжествует ли, трусит ли — слова очень часто кажутся лишними. Все сказано в движениях, в походке.

Для многих первый большой успех оказывается и последним. К счастью, молодой артист слишком хорошо знал театр, чтобы обольщаться этим первым успехом. И знал, что надо учиться. Благо, есть у кого.

И сейчас, проработав почти полвека на сцене, из них 14 лет будучи секретарем партийной организации (в партию он вступил на фронте), Бобров уверен: страшно, порой непоправимо ошибаются те молодые, для которых учеба кончилась с получением диплома.

Ошибаются, когда считают, что им надо только играть, когда негодуют, если не сразу получают большие роли. Учеба молодого артиста с приходом в театр только начинается. Сколько говорено-переговорено об этом Бобровым с молодыми! С какой радостью и щедростью он готов поделиться накопленными знаниями, опытом с каждым! И считает, что платит тем самым свой долг мастерам старшего поколения, которых называет своими учителями. «Кумиру Волги» — комик Нельскому, талантливым «простакам» Глуздовскому и Пассону, таким «героям» и «героиням», как Дивный (Демидов) и Галина Мар...

Не называет Бобров только своего главного учителя. То ли в силу своей скромности, то ли потому, что счи-

тает этого учителя явлением естественным, само собой разумеющимся в судьбе любого художника. А может быть, просто не замечает его, как человек не замечает бие свое собственного сердца.

Зовут этого учителя — «жизнь». Она, естественно, учит всех. И все же сама по себе эта жизнь разная.

Для Боброва жизнь началась с завода. Потом была срочная служба в армии. Иным вынужденный длительный перерыв, наступивший как раз тогда, когда в театре пришел первый успех, был бы донельзя огорчительным. Но страна жила тогда мыслью о неизбежной схватке с фашизмом, и эта всенародная мысль была для Боброва важнее его соображений о карьере.

Потом пришла Великая Отечественная война, которую он прошел всю, от начала и до конца вместе со всеми — с рабочими и крестьянами, учителями и бухгалтерами, одетыми в солдатские шинели. Он встречался с ними сразу в двух амплуа: командира караульной роты при штабе дивизии и по совместительству — начальника дивизионного клуба. Утром и днем он отдавал приказы, а вечером перед теми же людьми играл Яшку-артиллериста, но не совсем такого, как в старой оперетте, а только что вырвавшегося из фашистского плена и жаждущего отомстить врагам за спаленную родную деревню. Яшку, вытерпевшего все на свете, но по-прежнему веселого, жизнелюбивого.

Для них, для этих людей, лейтенант Александр Бобров, еще не залечивший до конца раненную осколком ногу, плясал в госпитале в День Победы...

Душевная близость к этим людям определила и его послевоенную судьбу. Оказавшись в Кузбассе в 1947 году, он сразу почувствовал себя среди своих. Металлурги, химики, строители, еще не успевшие сжечь в жаркой своей работе солдатских гимнастеров, были его зрителями. И как там, на войне, он знал, чего они ждут от театра, от артиста Александра Боброва.

Он принял учительство именно этого зрителя, с его готовностью откликнуться на шутку и способностью переживать чужое горе, с его четкими оценками добра и зла, с его любовью к образам, о которых в старину говорили «из простонародья», и уважительным отношением к любому мастерству, профессионализму и нелюбовью к приблизительности, работе вполсилы, неточности. Он всегда радовался встрече с этим зрителем, где бы она ни происходила — в театре, на строительстве Запсиба, кузбассовских ГРЭС, предприятиях большой химии. И просто так — на рыбалке, на охоте. И зритель раз и навсегда признал в нем своего артиста — народного по званию, которое он с честью носит, и по самой сути таланта.

Любовь взаимная. Может быть, чуть-чуть по-актерски суверенная. За 35 лет работы Боброва в Кузбассе у него было очень много весьма престижных приглашений из центра. Он отвергал все, не задумываясь. Мне на этот счет он сказал, улыбаясь: «Своим — не изменяем...»

КЕМЕРОВО.

● Народный артист РСФСР А. Бобров.